

Без особого удовольствия они разделили десерт. После этого оба отправились в комнату Шэнь Цзунняня заниматься валянием из шерсти. Они делали большую панду.

Шэнь Цзуннянь не любил, когда кто-то вторгался на его личную территорию. Однако Тань Юмин во время разговоров с матерью иногда выглядел подавленным. Этот взгляд напоминал Шэнь Цзунняню о Чжэн Синьцун, поэтому он не стал возражать.

Ребёнок сказал, что хочет увидеть настоящую панду. Дядя был готов исполнить любую просьбу:

— В выходные пойдём в Океанический парк.

Тань Юмин тыкал иголкой в хвост, Тань Дуолэ — в уши. В итоге получилось нечто несуразное. Шэнь Цзуннянь работал рядом. Он хотел что-то сказать, но сдержался. В конце концов он просто наклонился и собрал разбросанную по полу шерсть.

Он повернулся, чтобы уйти, но Тань Юмин даже не поднял головы:

— Ты куда?

Шэнь Цзуннянь скрыл замешательство в глубине глаз:

— Подогреть молоко.

Тань Юмин закончил возиться с коротким хвостиком. В этот момент перед ним появилась кружка. Он не ожидал, что Шэнь Цзуннянь приготовит тёплое молоко и для него, и для Тань Дуолэ.

— Мне тоже пить? — Тань Юмин задрал голову, пытаясь торговаться. — Я только что съел «Янчжи Ганьлу».

Шэнь Цзуннянь остался непоколебим:

— Допивай.

Тань Юмин цокнул языком и обиженно пробормотал:

— Когда болею — ценят как сокровище, а как выписался — так и сорняк не нужен.

Шэнь Цзуннянь пропустил это мимо ушей. Он стоял рядом неподвижно, словно гора, и следил, чтобы оба выпили всё до капли. Только после этого он забрал кружки и пошёл их мыть.

Тань Дуолэ быстро закончил делать один глаз. Он решил показать его Тань Юмину и случайно задел рамку с фотографией на тумбе. Когда Тань Дуолэ совершал оплошность, он всё ещё немного побаивался Шэнь Цзунняня:

— Дядя Цзуннянь, sorry...

— Ничего страшного, — Шэнь Цзуннянь поправил рамку.

Снимок был старым. На нём запечатлены три юношеских лица в выпускных мантиях академии Инхуа на фоне вековой баухинии. Чжао Шэнгэ отстранённо смотрел в объектив. В его облике уже исчезала юношеская незрелость, начинали проявляться будущая властность и величие. Шэнь Цзуннянь держал рюкзак на одном плече. Его лицо оставалось бесстрастным и немного нетерпеливым, будто он готов был уйти в следующую же секунду. Тань Юмин выглядел счастливее всех. Он всегда стоял в центре, и казалось, даже солнечный свет благоволил ему. На его груди сиял значок школы с эмблемой феникса.

Он широко раскинул руки, обнимая обоих друзей. Тань Юмин так и светился от успеха. Он склонил голову в сторону Шэнь Цзунняня, а его лучистые глаза «персикового цвета» задорно смотрели в камеру.

Шэнь Цзуннянь отвёл взгляд и внезапно столкнулся с пристальным взглядом Тань Юмина. Тот спросил с вызовом:

— Почему здесь до сих пор Чжао Шэнгэ? Раздражает.

— ... — Шэнь Цзуннянь не захотел отвечать. Он опустил голову и закрыл в браузере вкладку с историей поиска психологических консультаций.

Тань Юмин не отступал:

— У нас разве нет совместных фото без него? Зачем выставлять это.

Снимок на троих помогал скрыть нечестные намерения одного человека. Фотография на двоих пугала Шэнь Цзунняня: он боялся раскрыть свои мысли и боялся, что от частого созерцания его тайные желания станут неконтролируемыми. Поэтому он ответил:

— Нашёл только это.

Тань Юмин остался недоволен и приказал:

— У меня есть другие. Сходи и возьми одну, чтобы заменить эту.

Шэнь Цзунняню ничего не оставалось, кроме как подчиниться:

— Хорошо.

Тань Дуолэ устал играть и придумал новую забаву:

— Дядя, я хочу на самолётик!

Тань Юмин встал и потянулся, разминая кости. Затем он присел на корточки:

— Забирайся.

Тань Дуолэ залез ему на плечи. Тань Юмин медленно поднялся и объявил взлёт. Ребёнок заливался смехом от тряски, но ему было мало:

— Дядя, а можно взлететь ещё выше?

Тань Юмин съязвил:

— Тогда смени пилота на того, у кого ноги длиннее.

Он поднял ребёнка и пересадил его на плечи Шэнь Цзунняня. Тот нахмурился, чувствуя себя немного неловко, но при этом крепко и надёжно придерживал малыша.

Тань Дуолэ громко хохотал. Тань Юмин тоже не выдержал и улыбнулся. Он достал телефон и наставил камеру на них. Плечи Шэнь Цзунняня были широкими, а взгляд — спокойным и терпеливым. Смеющееся лицо Тань Дуолэ добавило его холодному образу немного мягкости.

Это напоминало кубик льда в бокале вина, который в свете ламп окрасился в золотистый цвет.

Тань Юмин не пил, но на мгновение почувствовал опьянение. словно его ударили в самую макушку, и в сердце внезапно стало тепло и тесно от переполнявших его чувств. Именно в этот обычный момент он окончательно осознал: Шэнь Цзуннянь действительно вернулся.

Знакомая комната, знакомый человек — такие обычные вечера длились уже почти двадцать лет. Но только сегодня Тань Юмин вдруг понял, что это самый счастливый и наполненный момент за последние месяцы.

Был ли он счастлив от успеха в проектах? Был. Был ли он счастлив в компании друзей за выпивкой? Тоже да. Но это счастье совсем не походило на то, что давал Шэнь Цзуннянь. Шэнь Цзунняню не нужно было ничего делать. Одной его близости было достаточно, чтобы Тань

Юмин чувствовал себя превосходно.

И дело было не только в этой минуте. Он не хотел признаваться, но каждый день, каждую минуту и секунду с момента возвращения Шэнь Цзунняня Тань Юмин был счастлив. Счастлив настолько, что сердце готово было взлететь. Даже когда на драгоценном нефрите появляются трещины, беззаботный зритель вдруг осознаёт ценность того, что раньше казалось обыденным.

Шэнь Цзуннянь вопросительно посмотрел на него. Тань Юмин побоялся, что его поймают за скрытой съёмкой, и первым отвёл взгляд. Он успокоил сердцебиение и в каком-то тумане сделал ещё несколько снимков. Затем он отправил их Тань Юйлинь, чтобы сестра не волновалась.

Пришла Гуань Кэчжи, чтобы уложить Тань Дуолэ спать. Она забрала его, пообещав рассказать сказку на ночь. Тань Юмин сел на ковёр, согнув одну ногу и положив локоть на колено. Он опустил голову, набирая сообщение. В этот момент Шэнь Цзуннянь позвал его:

— Тань Юмин.

Тань Юмин вскинул веки:

— Хочешь меня отговорить?

Не дождавшись ответа, он вскинул бровь:

— Ты уверен?

Шэнь Цзуннянь подошёл ближе. Он наклонился, забрал у него телефон и отложил в сторону:

— Кто тебя отговаривает?

Ему не нужно было спрашивать, чтобы понять: этот человек задумал какую-то пакость против Цзэн Шаохуэя. Зная характер Тань Юмина, тот наверняка планировал нанять людей для слежки и съёмки измен. Скорее всего, он уже нашёл тех, кто раздует скандал в главных СМИ Хайши. Тань Юмин не успокоится, пока Цзэн Шаохуэй не провисит на первых полосах декаду или две. Когда репутация компании семьи Цзэн и курс её акций пострадают, старшие родственники обязательно придут к Тань Чжуншаню и Гуань Кэчжи просить о пощаде.

— Мне плевать, — Тань Юмин лениво прислонился к столу. — Думаешь, я их боюсь? Они посмели так обидеть дочь семьи Тань. Видимо, я слишком долго притворялся добряком на людях, и все забыли, какой я на самом деле засранец.

Шэнь Цзуннянь присел, чтобы их глаза оказались на одном уровне:

— И чего же ты хочешь?

Тань Юмин слегка наклонил голову и беззаботно улыбнулся:

— Как минимум, чтобы Цзэн Шаохуэй был опозорен и остался ни с чем после развода.

Шэнь Цзуннянь кивнул:

— Хорошо.

— Любовница и бастард не должны получить ничего из того, что принадлежит Дуолэ. Семья Цзэн обязана выплатить ей огромные алименты и создать трастовый фонд.

— Что ещё?

— Цзэн Шаохуэй и его семья должны публично извиниться перед старшей сестрой.

— Есть что-то ещё?

Тань Юмин пожал плечами:

— Пока всё.

— Ладно. Иди спать.

Тань Юмин понял: Шэнь Цзуннянь собирается взять это на себя. В конце концов, Шэнь Цзуннянь не носит фамилию Тань, а его компания «Хуаньту» не была главным организатором этой морской торговой конференции. Если дело дойдёт до открытого конфликта и давления со стороны старших Цзэн, Тань Чжуншаню и Гуань Кэчжи будет не так сложно уладить ситуацию.

Но Тань Юмин не принял это предложение. Он прищурился и холодно произнёс:

— Какая разница, сделаю это я или ты? Что, ты уже не представляешь семью Тань? Ты больше не член нашей семьи?

Его эмоции менялись стремительно, как у тигра. Шэнь Цзуннянь терпеливо ответил:

— Я член семьи. Поэтому ты можешь спокойно доверить мне любое дело.

Он слишком часто сталкивался с подобной грязью, одной историей больше или меньше — для него не имело значения.

— Сейчас тебе нужно выпить лекарство и лечь спать. Тебе необходим полноценный отдых, чтобы восстановить силы.

Шэнь Цзуннянь попытался его поднять. Тань Юмин упрямо подогнул ногу:

— Я ещё не докачал уровень в игре.

— Я докачаю.

Тань Юмин не спеша погладил хвост панды:

— Я ещё не довалял шерсть.

— Я доваляю.

Тань Юмин снова начал капризничать. Он не мог собой управлять. Если раньше его поведение было компенсацией за прошлые обиды, то теперь это больше походило на проверку. Он не знал, до какой черты нужно дойти, чтобы насытиться.

Шэнь Цзуннянь вернулся, но Тань Юмину будто становилось всё мало. Достаточно ли того, чтобы всё стало как прежде? Нет, недостаточно. Совсем мало. Если всё будет как раньше, Шэнь Цзуннянь снова может его бросить. Нужно привязать его крепче, так, чтобы узел невозможно было развязать.

Дыра в сердце становилась всё глубже. Затаившийся зверь внутри просыпался и рвался наружу. Раньше Тань Юмин никогда не смотрел ему в глаза и даже не замечал его существования. Но с возвращением Шэнь Цзунняня зверь окреп и обнаглел. Он скалился, пытаясь сломать клетку.

Что находится за пределами этой клетки? Тань Юмин не знал. Тело действовало быстрее разума, слова опережали мысли. Его нервы, настроение и желания больше ему не подчинялись. Они ежесекундно подталкивали его: иди и проверь, попробуй. Всё равно Шэнь Цзуннянь не разозлится. Шэнь Цзуннянь всегда будет ему потакать.

Брови Тань Юмина то хмурились, то расслаблялись — он явно что-то замышлял. Шэнь Цзунняню было всё равно, если тот просто выпускает пар на словах. Но в серьёзных делах он не позволял ему творить глупости. Он просто подхватил его и увёл в комнату.

Он проследил, чтобы Тань Юмин принял лекарство, умылся и переоделся в пижаму. Шэнь

Цзуннянь настроил систему вентиляции и температуру кондиционера. Когда Тань Юмин лёг, он поправил ему одеяло и выключил настенный светильник.

Стоило ему повернуться, как в темноте раздался голос Тань Юмина:

— Шэнь Цзуннянь.

Тот остановился. Прошло немало времени, но Тань Юмин молчал. Шэнь Цзуннянь решил подразнить его:

— Тебе тоже нужно рассказать сказку на ночь?

В больнице они жили в одной палате, но дома это было невозможно.

— Шэнь Цзуннянь, разве я обещал, что мы помирились?

Шэнь Цзуннянь замер и тихо ответил в темноте:

— Нет.

Тань Юмин лежал неподвижно. Шэнь Цзуннянь обеспокоенно подошёл к кровати и наклонился, чтобы проверить его состояние:

— Тебе нехорошо?

Тань Юмин спросил прямо:

— Тебе было паршиво? Когда мы были в ссоре.

Или все это время только он один ворочался с боку на бок, не в силах уснуть.

Шэнь Цзуннянь помедлил. Он не понимал, к чему этот вопрос, но признался:

— Да.

— Насколько паршиво?

Шэнь Цзуннянь никогда не умел говорить красиво. Он просто констатировал факт:

— Очень.

Теперь Тань Юмин был удовлетворён:

— Тогда почему ты не приходил ко мне?

— Я думал, ты не захочешь меня видеть.

— Откуда тебе знать, чего я хотел.

Шэнь Цзуннянь не смел даже надеяться на это.

— Раз было паршиво — запомни это чувство, — Тань Юмин закрыл глаза и добавил в темноту:

— Это был последний раз. Единственный и последний.

Никто не смел так его изводить. Если бы кто-то другой поступил с ним так же, Тань Юмин никогда бы не простил. Но так как это был Шэнь Цзуннянь, он снова и снова становился исключением.

— Если ты ещё раз так сделаешь, я тебя точно не прощу.

Шэнь Цзуннянь понял: эта глава их ссоры закрыта.

— Хорошо.

Он прикрыл дверь очень тихо. Тань Юмин в темноте снова открыл глаза и достал телефон. Какая-то неведомая сила заставила его снова открыть сегодняшние фотографии.

Странно: когда Тань Юмин сажал Тань Дуолэ на плечи, ребёнок иногда осторожно придерживал его за воротник. Но на плечах Шэнь Цзунняня он совсем не боялся. Плечи Шэнь Цзунняня были широкими и сильными, способными выдержать и защитить детский смех.

Когда всегда холодный и отстранённый человек внезапно проявляет такую мягкость и теплоту, это кажется невероятно ценным. Это цепляет за живое и заставляет сердце чесаться от нежности. Тань Юмин смотрел на фото снова и снова.

Он долго сверлил взглядом экран, о чём-то думая. В груди разливалось тепло. Он вдруг непонятно чему усмехнулся, перевернулся на другой бок и так и уснул, прижимая телефон к сердцу.

<http://bllate.org/book/17117/1614146>